

БОЛЬШЕ ЧЕМ
ДЕТЕКТИВ

ЧИТАЙТЕ ВСЕ РОМАНЫ
АЛЕКСАНДРЫ МАРИНИНОЙ:

Стечение обстоятельств
Игра на чужом поле
Украденный сон
Убийца поневоле
Смерть ради смерти
Шестерки умирают первыми
Смерть и цемного любви
Черный список
Посмертный образ
За все надо платить
Чужая маска
Не мешайте палачу
Стилист
Иллюзия греха
Светлый лик смерти
Имя потерпевшего никто
Мужские игры
Я умер вчера
Реквием
Призрак музыки
Седьмая жертва
Когда боги смеются
Незапертая дверь
Закон трех отрицаний
Соавторы
Воюющие псы одиночества
Тот, кто знает. Опасные вопросы
Тот, кто знает. Перекресток
Фантом памяти
Каждый за себя
Замена объекта
Пружина для мышеловки
Городской тариф
Чувство льда
Все не так
Взгляд из вечности. Благие намерения
Взгляд из вечности. Дорога
Взгляд из вечности. Ад
Жизнь после Жизни
Личные мотивы
Смерть как искусство. Маски
Смерть как искусство. Правосудие
Бой тигров в долине
Оборванные нити
Последний рассвет

Адрес официального сайта Александры Мариной в Интернете
<http://www.marinina.ru>

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Призрак
МУЗЫКИ

МОСКВА

2015

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 26

Разработка серии А. Саукова, Ф. Барбышева

Иллюстрация на обложке *Geliografic*

Маринина А.
М 26 Призрак музыки / Александра Маринина. —
М. : Эксмо, 2015. — 352 с. — (А. Маринина. Боль-
ше чем детектив).

ISBN 978-5-699-71837-5

Убита преуспевающая владелица туристической фирмы Елена Дударева. Милиции удастся найти почти слепого юношу Артема, который разговаривал с убийцей. Артем не может описать внешность убийцы, но хорошо запомнил его голос и музыку, которую тот слушал. При раскрытии этого заказного убийства Насте Каменской приходится решать трудный вопрос: имеет ли она право привлекать к рискованному поиску убийцы юношу-инвалида?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-71837-5

© Маринина А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ЖИЗНЬ — КАК ДЕТЕКТИВ

При чтении некоторых (впрочем, чего уж там лукавить — многих) доморощенных детективов вспоминается анекдот про «нового русского», побывавшего в Третьяковской галерее и на вопрос приятеля «ну и как?» с трогательным простодушием отвечающего: «Ничего. Бедненько, но чистенько...»

И действительно, сюжет их, как правило, обезоруживающе чист, т.е. прост: преступник — прячет, сыщик — ищет, в это незамысловатое варево подмешивается изрядная порция жутковатых сцен (пытки в подвале, в загородном коттедже, дьявольские эксперименты в тайной лаборатории, в запутанном подземелье и т.п.), изрядная порция секса (длинноногие блондинки, наивные простушки, по глупости вляпавшиеся в криминальные разборки, опытные гетеры-соблазнительницы и т.п.), немного намеков на текущую политическую ситуацию, на некие неведомые, но могущественные спецслужбы... Главное, чтобы читатель не особенно задумывался, не искал логики ни в сюжете, ни в мотивировке тех или иных поступков героев, а мчался по кочкам сюжета не останавливаясь. А для этого побольше динамики, действия, сплошного нон-стоп, чтобы из мрачного подвала прямым в постель красоти, с корабля на бал, из огня в полымя...

Глядишь, читатель и проглотит. Немудреный рецепт, немудреное блюдо, немудреный едок (т.е. читатель). Но... Как раз с «едоком» все немного сложнее. Оказывается, что он не так уж и прост. Его, видите ли, на мякине не проведешь — подавай ему что-нибудь покачественнее, чем гамбургер на отечественный лад.

Ведь как ни крути, а романы А. Марининой побивают все рекорды и по тиражам, и по интересу читателей. Все-таки она — «царица русского детектива», а не многочисленные творцы чтива под «крово-сексуальным» соусом. Кроме сквозных героев (и главной героини, разумеется), ничего из вышеперечисленного в ее романах нет. Страшененькие подробности, неизменные спутники любого преступления, подаются в ее романах без всякого прищмокивания и смака. Только то, что необходимо для дела. Сексуальные сцены вовремя и очень деликатно погружаются в тьму (как в старых добрых и целомудренных фильмах). «Остренькие» эпизоды отнюдь не громоздятся друг на друга подобно валам бушующего моря. Какое там: пространные описания погоды (например, жары в «Призраке музыки» или бесконечной московской осени чуть ли не в каждом романе), семейных обстоятельств той же Каменской или Селуянова, анализ взаимоотношений в группе Гордеева-Колобка, подробное исследование психологии того или иного персонажа.

В общем, жизнь как жизнь. Общественный транспорт, бытовые проблемы, семейные праздники. Герои Марининой просто живут, как все мы, просто работают.

Но, кроме того, они еще *и думают*, и не только аналитик от бога Каменская, но и преступники. Они тоже у нее не льком шиты и дело свое знают. «Если бы у меня не было фантазии, я бы не довел до

конца ни одно уголовное дело...» — говорит один из персонажей «Призрака музыки», выступающий здесь и как следователь, и как преступник. Вот и Каменская все думает, думает... И оказывается, это качество ужасно импонирует читателю, оказывается, что ему тоже интересно думать вместе с этой странной подполковницей. Ему вообще интересно думать и сотворчествовать. С безголовым роботом, исправно машущим кулаками и другими органами, ему не так интересно.

— Где доказательства? — спрашивают у Каменской.

— Нигде, — устало отвечает она, отвлекаясь от логически выверенной, психологически мотивированной, единственно верной картины преступления, сложившейся в ее мозгу. Но картина есть — значит, будут и доказательства. Как их добыть? Каменская подумает. А вместе с ней и читатель. Может, он и не додумается, но зато от души восхитится умозаключениями Анастасии. Ведь Маринина не «дурит» читателя, она дает ему все (или почти все) карты в руки — пожалуйста, думай. Может, в том-то, что не «дурит», а думает и предлагает подумать, и заключен секрет успеха ее произведений? А может, в том, что уловила одну характерную черту нашего времени: все мы живем (поглядите-ка вокруг) словно бы в детективном романе, все время происходит что-то нехорошее, а злодей неизвестен, да и развязка совершенно непредсказуема. А мы живем, страдаем от жары, от бесконечной московской осени, радуемся, простым житейским удачам, стараемся понять, что происходит с нами, что происходит вокруг...

Жизнь как детектив.

Детектив — это трудно.

Сергей НИКОЛАЕВ

Глава 1

Ему было хорошо. С утра он принял дозу, и теперь его душа купалась в чувстве глубокого и непоколебимого покоя. Даже изнуряющая многодневная жара его не злила. Так бывало всегда после дозы: жарко — хорошо, холодно — тоже хорошо, сидеть хорошо, лежать хорошо. Все хорошо, ничего не беспокоит.

Но мозг работал на ускоренных оборотах, и это тоже было последствием принятия дозы. Жара была хороша не только сама по себе, но и потому, что в это воскресное утро в Москве надо было очень постараться, чтобы найти праздного прохожего. Кто мог — уехал за город, кто не мог — сидел дома с включенным кондиционером или, на худой конец, с зашторенными окнами, и мало находилось не жалеющих себя психов, которые шатались бы по улицам без дела. Еще бы, на солнце — тридцать девять, в тени — тридцать пять, кругом раскаленный, пышущий жаром камень домов и ни малейшего дуновения ветерка. А если добавить к этому выхлопные газы, которые, кажется, никуда не деваются, не тают, не растворяются и не уносятся, а висят ровно в том месте, где появились из автомобильной трубы... Короче, ясно, что, ежели человек себя хоть мало-мальски щадит, он ни за что на све-

те не станет просто так шляться по московским улицам в этот замечательный солнечный июньский день.

«Шкода Фелиция» цвета «баклажан», а проще говоря — темно-фиолетовая, стояла там, где ему и сказали, перед домом номер восемь. Он остановился рядом, прикуривая, уронил зажигалку, едва заметным движением ботинка послал ее чуть дальше, под машину, и присел на корточки, чтобы достать. Ну вот и порядок, радиоуправляемое взрывное устройство прилеплено к днищу под местом водителя. Выпрямившись, он прикурил и не спеша пошел вперед. И лавочка подходящая нашлась — правда, на самом солнцепеке, но это ничего, это тоже хорошо. Была бы в тени, обязательно какая-нибудь бабка настырная явилась бы воздухом подышать, а так он гарантирован от неудобного соседства.

Он уселся на скамейку, нацепил на голову наушники, щелкнул кнопкой висящего на поясе плеера и погрузился в музыку. Сегодня с утра он долго выбирал, какие кассеты взять с собой, ведь не исключено, что ждать придется долго. Перебирал, перебирал, откладывал в отдельную стопочку, потом снова придирчиво пересматривал отложенное и ставил на место, и снова перебирал. Наконец сделал свой выбор. Баллады «Тень луны» и Шотландскую симфонию Мендельсона. Баллады привлекали его своей прохладной сумеречностью, они были прозрачными, грустными и, несмотря на четкий ритм, неторопливыми и несуетными, какими-то нездешними.

По пути сюда он успел прослушать всю кассету с балладами и теперь, усевшись на скамейку неподалеку от фиолетовой «Фелиции», приготовился слушать Мендельсона. Даже не слушать — вкушать. Это

было совсем особое удовольствие, доступное далеко не каждому. Во внешнем мире — отупляющая тяжелая жара, горячий воздух, который даже вдыхать противно, а из наушников прямо в его голову дует ураганный ветер, грохочет гром, сверкает молния, льет проливной дождь. Каждый раз, слушая Шотландскую, он представлял себе суровый пейзаж, скалистые горы, глубокие ледяные озера, темно-зеленые густые леса. И над всем этим холодным великолепием парит одинокая хищная птица. И ветер с дождем...

Он сидел уже два часа, слушая музыку и не сводя глаз с машины, и вдруг понял, что ужасно хочет пить. И это тоже было последствием принятой утром дозы. Он огляделся. Киоск далековато, если он пойдет к нему, то может пропустить владельца машины.

Взгляд его упал на парнишку лет семнадцати. Парнишка стоял в тени под деревом метрах в пятнадцати от скамейки, прислонившись к толстому стволу, и крутил в руке красный шарик. Шарик то появлялся в его ладони, то исчезал, то вдруг мелькал между пальцами и в следующее мгновение обнаруживался на тыльной стороне ладони. Мальчишка работал одной рукой, потом переключивал шарик в другую руку и снова работал одной рукой.

— Эй! — крикнул он, сдвинув наушник с одного уха. — Эй, парень!

Паренек завертел головой, словно не понимая, откуда доносится звук. Потом увидел сидящего на скамейке человека.

— Вы мне?

— Да, тебе. Подойди, пожалуйста.

Парень медленно двинулся к нему, не переставая крутить шарик.

— Слушай, не в службу, а в дружбу, не сгоняешь в киоск за водой, а? Нога болит — сил нет, совсем ходить не могу, а пить хочется страшно по такой-то жаре. Сбегаешь? — Он постарался быть естественным и убедительным.

Паренек колебался, это было видно по его подвижному лицу.

— Ну пожалуйста, будь человеком. На вот, возьми червончик, принеси бутылку минералки, лучше с газом. Нарзан там или боржом. И попроси, чтобы дали из холодильника.

Тот взял деньги и снова смешно закрутил головой. Но к киоску все-таки пошел.

— Спасибо, друг, — с чувством сказал убийца, поспешно откручивая колпачок с литровой ледяной бутылки нарзана. — Выручил ты меня. А что это ты с шариком делаешь?

Паренек улыбнулся приветливо и дружелюбно.

— Пальцы тренирую.

— Фокусником собираешься быть?

— Нет, пианистом. Извините, мне надо идти.

— Ну иди, — милостиво разрешил он, с облегчением глядя в спину удаляющемуся мальчику и снова надвигая наушник.

И хорошо, что ему надо куда-то, не хватало еще, чтобы владелец машины как раз в этот момент вышел. Мальчишка уходил ровным, неторопливым шагом, крутя головой. Убийца видел, как он дошел до дерева, у которого стоял раньше, прошел мимо и направился в сторону переулка, а несколькими секундами позже из подъезда дома номер восемь вышла женщина. Решительным шагом она подошла к фиолетовой «Фелиции» и вставила ключ в замок двери со стороны водителя. Как только она села в машину и закрыла дверь, убийца нажал кнопку

на пульте. Льющаяся из наушников музыка лишь отчасти заглушила грохот взрыва. Тут же в открытые окна стали выглядывать люди, сидевшие по домам любопытные высыпали на балконы. Остановились проезжавшие мимо машины, выскочили водители. В общем, хотя улица была довольно пустынна, вокруг места взрыва тут же возникла вполне приличная суматоха. Убийца прикинул, нужно ли подходить, изображая естественное любопытство, но решил, что народу вокруг пострадавшей машины и так достаточно, а на него внимания никто не обращает. Поднялся и ушел. Из наушников до него доносились звуки начинающейся грозы над скалистыми берегами и синими холодными озерами, и одинокая хищная птица плавно парила над этим студеным великолепием.

Ему было хорошо и спокойно.

* * *

Выписка из приказа по личному составу начальника Главного управления внутренних дел г. Москвы:

«...назначить подполковника милиции Каменскую Анастасию Павловну на должность старшего оперуполномоченного отдела... установив должностной оклад в размере...

...назначить майора милиции Короткова Юрия Викторовича на должность заместителя начальника отдела... установив должностной оклад в размере...

...освободить полковника милиции Жерехова Павла Васильевича от должности заместителя начальника отдела... в связи с увольнением из органов внутренних дел (рапорт от 10 мая 1998 г.)...»

* * *

— Вот уж я теперь тобой покомандую, — зло-
радно приговаривал Коротков, обживая новое ра-
бочее место. — В кои веки дорвался.

— Конечно, маленького подполковника обидеть
каждый может, даже майор, — отшучивалась Нас-
тя. — Зря я вернулась, ты мне жизни не дашь.

— Ага, не дам, — жизнерадостно обещал Юра. —
Буду требовать, чтобы ты мне раскрыла как мини-
мум пять убийств века, и тогда я в качестве твоего
мудрого руководителя получу сто пятьдесят поощ-
рений, пять государственных наград и звание пол-
ковника сразу, минуя подполковника. Здорово я
придумал?

— Классно, — соглашалась она. — А если я тебе
ничего не раскрою, ты меня выгонишь обратно к
Ивану?

— Еще чего, размечталась! Даже если ты вообще
ничего никогда больше не раскроешь, я все равно
тебя никуда не отпущу, потому что только ты мо-
жешь дать мне чувство великого милиционерского
кайфа: командовать старшим по званию. Не каждо-
му оперу так везет, как мне.

— Так ты же скоро сам подполковника полу-
чишь, и весь твой кайф закончится.

— Это еще когда будет... А пока не мешай мне на-
слаждаться жизнью.

И Настя не мешала. Более того, она и сама ею
наслаждалась, потому что вернулась к своей работе
и своим друзьям, по которым так скучала, работая
в Управлении по организованной преступности.
Генерал Заточный отпустил ее, как говорится, по
первому требованию. Гроза, подальше от которой
Настю в свое время отослал Гордеев, все-таки раз-

разилась, правда, не осенью, как ожидалось сначала, а только весной следующего года, в марте. Неожиданно для многих был отстранен от должности министр внутренних дел, и на несколько дней милицейская общественность замерла в ожидании решения своей судьбы. Кто придет на смену, еще один военный, который начнет перетасовывать кадры и назначать на все должности подряд своих однокашников по военному училищу, или все-таки профессионал? И через несколько дней вздохнули хотя и несколько настороженно, но с облегчением: не военный.

Новый министр с первых же дней заявил, что оперативно-розыскная деятельность — важнейший элемент борьбы с преступностью и ей отныне будет уделяться первоочередное внимание. Начальника Главного управления внутренних дел Москвы не тронули, соответственно и в самом управлении кадровых перестановок пока не предвиделось. Начальник отдела, в котором работала раньше Настя, остался в своем кресле, и можно было возвращаться. Проработав у Заточного без малого десять месяцев, она успела обучить капитана Дюжина основам аналитической работы и получить очередное звание подполковника, которое не могла получить на Петровке — должность не позволяла, так что расстались они с генералом мирно и полюбовно. Как говорится, «при своих».

— Ну что, дети мои, — начал в это утро ежедневную оперативку полковник Гордеев, — преступники оказались покрепче нас с вами. Это мы от жары уже на потолок готовы лезть, а они бодренько так себя чувствуют. И откуда только силы берутся? Вчера Селуянов по городу дежурил, и надежурил он нам убийство некоей госпожи Дударевой, генерального

директора фирмы... — он глянул в разложенные на столе бумаги, — фирмы «Турелла». Туристический бизнес. Дамочка состоятельная, если не сказать больше. Дело возбуждено в округе, нас пока не трогают, но, учитывая, что это могут оказаться бизнес-разборки, не сегодня-завтра и нас подключат. Меня несколько дней не будет: уезжаю сегодня вечером в командировку, за старшего остается Коротков. Так что раздаю слонов заблаговременно. Если будет указание подключаться к убийству Дударевой, займется Селуянов, так ему и передайте, когда он после суток проспится. Понял, Коротков? Дружка своего подряжай, нечего его жалеть. А то я знаю, он на днях жениться удумал, так вы его сейчас все выручать кинетесь. С этим вопросом все, теперь докладывайте по текущим делам. Доценко, начинай с убийства Волощикова...

Настя радовалась, что за время ее отсутствия никто не оккупировал ее привычное место в углу. Основная масса сотрудников отдела рассаживалась за столом для совещаний, кому не хватило места — тот садился на стоящие вдоль стены стулья. В углу же кабинета полковника Гордеева стояло старенькое низенькое креслице с выцветшей, потертой обивкой, до того расшатанное и рассохшееся, что человек весом более восьмидесяти килограммов просто не рисковал в него садиться. Настя Каменская весила меньше, поэтому любила сидеть в нем, ничего не опасаясь.

После совещания она заглянула к Короткову.

— Слушай, нехорошо как-то с Колей получилось, — сказала она. — Ему к свадьбе готовиться надо, а тут нависает реальная опасность увязнуть в убийстве туристической дамочки. Может, поговоришь с Колобком? Пусть даст другое указание.